

ВИКТОР СИДОРЕНКО —
КООРДИНАТЫ ПРИСУТСТВИЯ В НЕПРОЯВЛЕННОМ
Метод метанарратива

АЛЕКСЕЙ ГОРШКОВ

научний співробітник відділу мистецтва новітніх технологій ИПСИ НАИ України, мистецтвозець

Интуиция

Полость раны осушена, и остается соль размышлений. Когда мысль заканчивается, образуется точка, *нейрон*. Последовательность клеток складывается в нити и волокна. Это ткань и соль реальности, где наблюдающий и участник могут обнаружить касание и вкус присутствия. Обнаружение присутствия — это начало диалога и поиска языка его осуществления. Но иногда в истории — появление языка опережает осознание возможности диалога. Язык выявлен его ловцом или просто свидетелем, но диалога еще нет. Тогда эти знаки переходят в регистр метафизического и могут быть там до *нужного* времени. Пока кто-то из нас — странствующий внутри рамок договорной условности обыватель — не дойдет до предела — *круга* или *квадрата*. Соприкоснувшись с местом начала прохождения границ. Это начало — точка отрицания известного и принятия настоящего. Отречение от самоутверждения, декларации личных и системных правил и позиций. Обретение себя иного. И начало новой истории.

Тема

Человек. Когда герой предлагает себя, как постоянство в общественном эфире восприятия, и его образный сюжет вписывается в пластику гуманистической эстетики, человеческий облик

не искажен и предстает в согласии с некими первоначальными онтологическими пропорциями, то можно полагать, что речь идет о феномене человека. Автор предлагает антропологическую оптику, когда человек не является пассивным атрибутом некоего трудно определяемого «центра» произведения или зияющих пустот его отсутствия, а когда он сам есть центр. И, поскольку наблюдается тенденция и динамика метаморфоз, мы можем говорить о некоей последовательности и соответственно — пути развития образа, героя, смысла.

Путь. В каком измерении мы можем проследить этот путь? Созерцательно, в воспринимаемом мире вещей, как некий внешний для нас сюжет — или внутри себя, в пространстве мысли, на грани соприкосновения с чем-то, что за пределами понимания человеком? Для нас — это побуждающее недоосмысление. Возникает влечение не только созерцать или воспринимать внутри отведенной роли зрителя, или умножать интерпретации, не выходя за рамки субъекта обособленного познания, но еще и прикоснуться к полотну некоей неизвестной пока ткани. Почувствовать ее тактильно, за пределами опознавания разумом. Стать участником диалога. Вольно или невольно герой приглашает туда, куда сам движется, осознанно или неосознанно. И нас это уже как-то начинает касаться. Персо-

наж показує, що він не сторонній — относительно того, в чому він розташований. І ми теж перестаємо бути сторонніми, реагуючи на його присутність, стаємо причастними до того, що він, к тому ж, є.

Время. Відносини творів і часу розвиваються так, що час є частиною художнього акту, відкриває можливість прослідкувати шлях героя, а ситуація в даний момент показує, наскільки складившись в контексті творів представлення відповідають дійсності. Мова йде про ту дійсність, яка стосується рівно всіх, одночасно і в рівній ступені, а не про ту, яку кожен для себе бачить по-своєму. Час — це учасник всієї історії. Коли герой потрапляє в те, що за межами його осмислення, він інтуїтивно опиняється в ситуації майбутнього. Але розповіді ще немає. Він доступний тільки тоді, коли настає ситуація, яка є збігом різних суб'єктивних часових ліній в одному загальному події.

Перераховані фрагменти з контексту Віктора Сидоренка — це пропозиція не тільки прояснити сам контекст, але і проникнути в нього, розділяючи стан іскренньої невідомості, невизначеності, будучи суб'єктом пізнання, і очікування певної ясності. Опинитися разом з героєм, який зусиллями художника і зобов'язаний бути разом з ним в пошуку рішення питань, від яких важко втекти, зіткнувшись з роботами художника.

Проблема

Цілесобразність даного дослідження розташована в декількох актуальних площинах. Перше — це ситуація в сучасній західній культурі. Друге — це положення художника в цій ситуації. І третє — це культурний (інформаційний) вакуум по певним темам, які востребовані в зв'язі з підвищенням значимості соціально-культурного питання. Існує в даний момент тема *героя, шляху, часу*, і її більш концептуальне позначення:

«повернення в культурний дискурс людини як суб'єкта». І, відповідно, повернення автора як того, хто антропологізує свого героя в напрямку отримання відповідної суб'єктності. З метою привертати до цього повороту і спостерігача, а точніше — вивести спостерігача в положення свідка.

Відповідно трьом аспектам актуальності пропонуються короткі тезисні позначення.

Культура. Сучасна західна культура, до якої ми в більшій ступені належимо — або умовно належимо, т. к. зараз немає можливості проводити більш тонкі диференціації (і описувати ситуацію детально) — полісемантична, ризоматична, спробує кризу втрати основ, недовірає до сенсу взагалі, імітує симулякрами і т. д. Можливо з цим погоджуватися або ні, але ми візьмемо за умовну основу саме таке позначення. Хто такий художник в цьому просторі? Чи здатний герой? Якщо так, то герой — це повідомлення, висловлювання або питання? Чи можливо шлях посеред ризом? Самі формулювання питань говорять про те, що запропоновані ціннісно орієнтовані поняття знаходяться в диссонансі з загальною ситуацією в культурі, яку ми позначаємо як ситуацію постмодерну.

Фигура художника. Об'єктивна основа художнього виробництва Віктора Сидоренка дає можливість закріпити поняття — людини, героя, автора, шляху, часу — перешкоджаючи їх розпаду внаслідок деконструкції. Де художник — та фігура, на яку ми можемо опертися — той, хто надає осі фіксації, навколо якої ми маємо можливість здійснити рух. Така фіксація дає можливість виробити повний дослідницький цикл і прийти до висновку про подальшу долю інтересуючих нас понять.

Інформаційний запит. Актуальність пошуку нових способів дослідження художніх творів, який ми формулюємо навколо робіт Віктора Сидоренка — состо-

ит в том, что они провоцируют полисемантический дискурс. Это приводит к ряду проблем: с одной стороны, есть соблазн рассматривать это как искусство модернизма: видеть четкую авторскую позицию, сосредоточиться на авторском стиле, методе, определенной эстетической образности, и при этом жестко ограничить свои возможности за пределами этой установки, заботясь о сохранении целостности конструкции. С другой стороны — уйти в бесконечные интерпретации, объявив это свободой исследования и потерять полную привязку к смыслу в работах. Если не важно, как интерпретировать, то со временем уже не важно и что интерпретировать, и сам процесс интерпретации становится бессмысленным.

Другой взгляд часто предполагался, но оставался не артикулирован. Тем не менее, просматривалось всегда нечто большее, чем совокупность толкований, некий другой порядок расположения возможных взглядов, предполагая который, возникали догадки, что художник интуитивно присутствует в теме, имеющей отношение не только к его творческим поискам, но и к объективной ситуации в пространстве. Периодическими прояснениями возникала мысль о том, что весь набор произведений, созданный в определенный период, может выглядеть как одно метасообщение, выстраиваться в тему, объективно важную для всех, для всего общества, которое мы можем отнести к «нашей культуре».

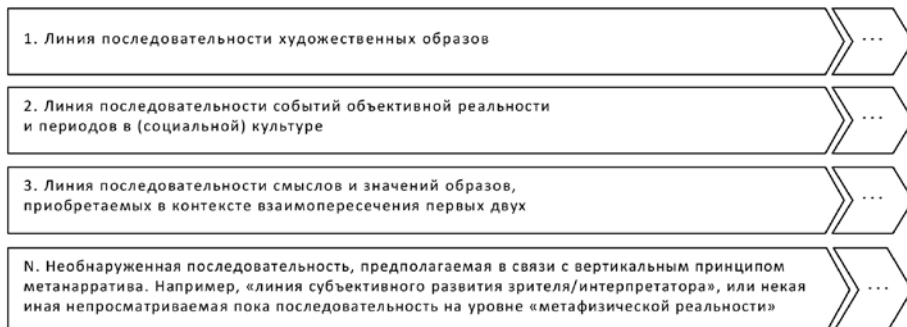
Метод [8]

Обозначив вопросы актуальности и основные понятия контекста рассмотрения, мы становимся перед необходимостью иного подхода к тому, как, учитывая все вышесказанное, толковать и относиться к прошлым художественным сериям Виктора Сидоренко и появляющимся новым, которые не приближают нас к ответам, а скорее увеличивают спектр вопросов — уже не только в восприятии/толковании образов, но и в том, как воспринимать метафоры автора в целом, в какой плоскости и в каких категори-

ях (культурных, философских, эстетических) их рассматривать.

Выявление понятия. В какой момент появляется представление о «метанарративе», трудно сказать определенно. В контексте поиска решения он появляется вдруг, складываясь из отдельных фрагментов — образов, мыслей, текстов, событий. Прорисовывается, как изображение в процессе проявления фотографической пленки. Обнаруживается, как некая декодирующая матрица, прибор распознавания. Мы с ним сталкиваемся, как с необходимым инструментом дальнейшей работы. Однако важно, что это происходит в контексте причастности к событию в объективной реальности и рефлексии о нем.

И так же, как события, «метанарратив» невозможно было спланировать — он самообнаруживается непреднамеренно: и как сообщение, и как метод его прочтения. На фоне того, что мы улавливаем некую континуальность общей последовательности работ и серий, обнаруживается соответствие между происходящим событием и художественным образом, произведенным до начала развития события. Когда мы рассматриваем последовательность событий, то обнаруживаем, что ей также соответствует последовательность образов. События связаны хронологической логикой, что запускает механизм выявления соответствующей логики последовательности образов. При этом «прошлая» серия образов героя обретает смысл в связи с «настоящей», которая открывается в контексте «соответствующего» события. Этот принцип разворачивается в реверсивной последовательности, в которой обретенное значение позволяет пересмотреть предыдущие серии образов. Вследствие этого пересмотра обновленное значение соответствует событиям прошлого или особенностям культурного периода в целом, вписываясь в «свой» сегмент соответствующего нарратива. Таким образом, мы выделяем следующие информационные линии (нарративы), исследуем их элементы и взаимосвязи:

Пояснение: Горизонтальный принцип (шкала) — разворачивание «шагов» во времени. Вертикальный принцип — уровни соответствия, потенциально возможные для обнаружения и исследования. Их число не меньше трех (которые обозначены), верхний предел количества линий не обозначен в рамках данного исследования.

Принцип пошаговости устанавливается в первой линии, где каждому «шагу» соответствует художественная серия или сингл художника. Плывущая линия развития не избегает ни одного деления этой своеобразной концептуально-хронологической шкалы. При этом не все деления прописываются для обозрения, некоторые из них — в потенциале осмысления (вплоть до подробного описания каждого художественного объекта).

Такой подход показал возможность прочтения (подобно формуле) художественного ряда Виктора Сидоренко. И вместе с тем, такое прочтение перестает быть просто способом интерпретирования. Поскольку это не описание, которое извлекается из рассудка исследователя на основе сложившегося индивидуального представления. А то, что обнаруживается как некий неизвестный ранее смысл, ставший *доступным* в связи с появлением произведения. И это в меньшей степени является версией, но в большей — констатацией некоего информационного (качественного) состояния, которое произошло в реальности.

В качестве текущего резюме можно отметить, что «метанарратив» в данном использовании понятия возможен в связи с ситуацией (1), запускается признанием реальности события (2), подтверждается во времени ревер-

сивным толкованием всей истории (3), имеет структуру большого рассказа, включающего в себя малые, объединяющего их в общей логике взаимосвязи и развития (4), первоначально не проявлен (5), невозможен в какой-либо заданной структуре, но постепенно раскрывается по мере развития осмысления событий (6), предполагает героя, связанного с присутствием зрителя как свидетеля (7), предполагает субъекта, который воспринимает событие как событие, а не как происшествие, — тот, чье воззрение изменяется этим событием (8).

Дифференциация значений. Позиционируя метанарратив в данном исследовании, следует сказать, что у данного понятия есть большой культурный контекст употребления. С одной стороны, в аналитической философии оно рассматривается как универсальный метафизический язык, целью которого является обобщение картины мира и существуют унифицированные правила высказывания. Это положение критикуется с доказательствами того, что культура представляет собой набор языковых игр, каждая из которых проходит по собственным правилам. А потому общий метаязык культуры невозможен (Витгенштейн).

С другой стороны, метанарратив является основным понятием дискурса постмодерна, который понимает его как большую идею-

логию культури, определяющую ценностные установки каждого индивидуума. При этом постмодерн относится к данному понятию критически, объявляет о недоверии к нему, запускает проект деконструкции, который направлен на разрушение тоталитарной власти метанарративов. Отстаивает право свободного смыслополагания, в пользу освобождения пространства культуры в пользу полисемантической, плюральности и микронарративов.

Мы работаем в другой системе определений, используя метанарратив прежде всего в его прямом словарном смысле, без лишних коннотаций — как свехрассказ, объединяющий в единую логику другие микрорассказы. Применяя этот принцип в более широком контексте, мы обнаруживаем его так же, как метод опознавания процессов в культуре, когда происходит пересечение линии событий реальности и линии художественных образов в искусстве. Подлинная реальность показывает несостоятельность атрибутов реальности символической. Реальное событие порождает что-то новое в культуре, и мы готовы увидеть эти точки с помощью метанарратива. Далее перед нами становится только проблематика развития и применения (а не расширение коннотаций) понятия, введения нового его понимания. Поэтому первоначально вводится больше техническое значение термина с целью операционального применения, в качестве основы методологии исследования процессов в культуре.

Вместе с тем полностью уйти в третий вариант использования сложно, и само понятие наследует проблематику двух предыдущих, давая ответ как первому, так и второму. Это росток для новой ветви исследования, но его важно анонсировать в этой статье.

Особенности метадискурса. Постмодерн отвергает высшие ценности как террористические. И у человека постмодерна остается только одно — посвящать свою жизнь маленьким удовольствиям; но, в конечном счете, он упускает саму жизнь. И тогда любая вещь, кото-

рая происходит с человеком, является катастрофой. Поскольку он опасается того, чтобы вещь не случилась, являясь избытком жизни, и давно подчинил свою жизнь ритуалам. Ритуалы посвящены тому, чтоб его ничто не коснулось; но когда его что-то касается, он ощущает полноту жизни. Пока этого не происходит, он начинает ощущать тоску по катастрофе, а фактически — по любому новому событию, которая на самом деле — тоска по прикосновению реальности. Таким образом, стремясь к свободному смыслополаганию, постмодерн «освобождает» человека от самой реальности, от новизны события. И пока он «не покрыл себя броней маленьких удовольствий», в нем нарастает тоска и бессознательный поиск вторжения настоящей жизни, реальности (Жижек). Поскольку в нашем значении метанарратив возможен и формируется в связи с событием, это является точкой перехода для человека постмодерна в другое состояние «Я» и его взаимоотношений с реальностью. Это свободная возможность, перспектива обнаружения нового качества присутствия, вследствие поиска чего-то недостающего, что вызывало экзистенциальный голод. Таким образом, метанарратив в нашем значении не навязывает себя, не предопределяет образ мышления или действия, но, как сообщение, обращается к принятию. Это формирует субстанцию для созидания новых оснований для видения новой культуры. Но это не то, что формирует саму культуру. Таким образом, относительно употребления предлагаемого понятия мы оставляем контекст постмодерна, но не оказываемся в оппозиции к нему.

В то же время мы сосредотачиваемся на тех компонентах культуры и искусства, которые больше связаны с «производством присутствия» (Гумбрехт), а не с производством значений. Не смотря на то, что метод обнаруживает больше именно значения, само значение запускается присутствием, т. е. является следствием, а не первичной установкой. И впоследствии сохраняется чувствительность именно к при-

сутствию, которое является тем фактором, который обеспечивает метанарратив как метод. Применительно к работам Виктора Сидоренко можно говорить, что они являются именно «производством присутствия», а не «производством пространства» (Лефевр), к чему тяготеет довольно распространенный вокруг работ Сидоренко мистически-ориентированный тип интерпретаций.

Можно говорить о развитии более актуального дискурса в контексте современного искусства за счет того, что через искусство возможно осуществить пронзительное свидетельство о том, что произошло, и что всех коснулось, а не только образные маркировки и проективные отпечатки о событии. При этом повествование радикально отличается от пропозиционального узнавания. Поскольку это, во-первых, более полный вид передачи информации, который активизирует воображение и вовлекает человека в мир раскрывающейся истории. И, во-вторых, это не просто репрезентация накопленных идей, высказываний, образов, а рассказ, который предопределен метафизически, условно говоря, «будущим событием».

Нарративный характер толкования последовательности произведений (как один из элементов в предлагаемом подходе) не только свидетельствует о событии и ситуации, но и формирует текущее осмысление и дальнейшее развитие, преобразует присутствие — из пассивного в активное. Решающим является способность увидеть себя во всей истории работы героя — способность найти свою роль в драме, свой образ в истории. Для этого нужно знать и понимать эту историю, исследовать ее в другой оптике, в другой парадигме, и другом измерении, что и предлагается с помощью метода.

Лаборатория

Художник, который переживает свою причастность к миру трансцендентного и нуждается в его высказывании, находится в той ситуации, когда уже недостаточно одиночного провя-

ления образа или их серийной цепочки, а нужен более широкий охват послания. Последовательность серий, взаимосвязанных общей логикой развития смысла, соответствующих событиям, задают (провоцируют) необходимый масштаб высказывания художника, а также уровень последующего исследования. То есть метанарратив здесь — как метод просмотра всего набора произведений с целью увидеть «рисунок» другого порядка, так и метод дальнейшего исследования увиденного. Легко заподозрить в этом рецидив типично модернистского построения, — однако важно напомнить, что такой подход здесь не используется для установки творческих решений и рядов, для формирования некой заданности, творческого плана. Он существует в наборе инструментов исследования. Творческий процесс у художника формируется так, как он формируется, и он просто знает, что у него есть в арсенале прибор, с помощью которого можно понять, что он производит. Причем когда именно произойдет это понимание, запланировать или предсказать невозможно (поскольку оно зависит от событий реальности), разве что предугадать или предположить.

Измерение метода, позволяет осуществить нелинейное, структурное и даже системное толкование художественных серий. В связи с ним мы начинаем видеть новый порядок смысловых последовательностей. Уже при первом приближении, еще без подробных расшифровок, начинает проявляться довольно отчетливая смысловая текстура. Следуя логике выявления метанарратива как метода, мы, прежде всего, реагируем на перекресток линии образов и событийного ряда, маркером которого является известный «феномен в искусстве», когда сюжет произведения предвещает грядущую действительность. В этом процессуальном пространстве контакта с реальностью, которая полностью не проявлена, не просматриваема, но, тем не менее, входит в действительность — в некое искаженное (относительно себя) и непостижимое или странное (относительно нас)

виде, и вынуждает принимать эту непостижимость — так вот, в этом пространстве обозначены основные агенты присутствия (репрезентации, медиации, реагирования).

Художник. Новизна высказывания не определяется только лишь привязкой к событию. Отражая актуальное на данный момент, оно вместе с тем высказывает что-то вечное, вне времени. И есть что-то, что приходит через художника вне зависимости от его понимания. Некоторым образом он находится там, где ему интуитивно видны феномены, которые нам не видны. И говорит из той точки, в которой мы пока не стоим, — поэтому его высказывания для нас относятся к разряду пророческих или мистических. Но эта функция объясняется не тем, что он мистик, а тем, что он *пересекает черту* той ситуации, где мы находимся, вырывается за пределы привычной для нас парадигмы, идет навстречу новизне, входит в территорию нового и продолжает оставаться открытым его влиянию. Это *новое* еще не проявлено, и оно говорит через художника, использует его как язык, через него — выговаривает себя. Он, обладая особой чувствительностью, воспринимает нечто *иное* раньше, чем это становится очевидно всем. Через художника бытие высказывает себя, свои потаенные сущности (Хайдеггер).

То, что в темпоральном измерении выглядит как предсказание, более существенно проявляется в измерении пространства культуры, где художник оказывается впереди современной культурной парадигмы и, выходя за ее черту, преодолевает ее ограничения. Мы можем пересечь те же границы, следуя за художником как за проводником — который распознает путь и показывает его другим через свой опыт присутствия. Следуя его «карте», по которой он выводит нас в эту зону, позволяя почувствовать себя в *иной* реальности через акт своего свидетельства о ней.

Герой. Автор зовет нас за собой, а герой — первый, кто оказывается в пространстве *иного*. Он призван в качестве свидетельства того, что видит художник. В этом контексте герой обре-

тает новое звучание; он становится способом прояснения той реальности, куда попадает автор. Автор, через которого эта иная реальность высказывает себя, создает героя как некий язык повествования. Но герой при этом обретает свою собственную жизнь, поскольку уже подчинен в большей мере не самому автору, а той реальности, которая приходит к нему (автору). Для зрителя/интерпретатора герой становится проводником в это *новое*, свидетельствует о нем. Именно через образ героя зритель обретает доступ к «сообщению». Герой, с точки зрения интерпретатора — и язык высказывания, и свидетельство о событии не известной и не названной реальности, а с точки зрения автора — это способ прояснить то сообщение, которое он получает. Можно предложить метафору хирургического зонда, в данном случае — герой подобно ему позволяет нам увидеть то, что не открыто непосредственно, разобраться в чем-то скрытом, еще не проявленном во всей полноте. Герой — единственный, кто пока способен находиться в пространстве *иного*, пока оно не проявлено, и кто способен осуществить акт предварительного присутствия, засвидетельствовать его в мире видимого через (произведение) художника.

Исследователь. До наступления и переживания события, до реализации свидетельства героя у нас как у исследователей есть некоторая пространственно-временная зависимость. Ограничены наши способности к действительной (достоверной) интерпретации (верификации). До этого объекты художника для нас — это рядоположный набор образов, которые можно интерпретировать, но в режиме вариативных флюктуаций. Мы должны получить опыт, ранящее касание события. Исследователь может предложить дискурс-анализ другого порядка, когда он будет успевать за присутствием художника. Событие подсвечивает одну из интерпретаций, заставляет пересмотреть их, увидеть, что одна из них достоверна (релевантна), а другая — нет. Поэтому для нас так важен ге-

рой: через акт его свидетельства мы становимся готовы принимать новую реальность. Посредством языка художника мы как бы предупреждены о ней. И с помощью инструментов «метанарратива» имеем возможность артикулировать ее «своевременно».

Результаты

В целом период, к которому можно применить принцип метанарратива в творчестве Виктора Сидоренко, просматривается начиная с 1995 г., с его работы «Вторжение», — и соответствует времени существования персонажа «в кальсонах» по настоящий момент. Собственно, под «результатами» понимается возможность полного описания всего обозначенного периода с помощью предложенного в данной статье подхода.

Персонаж спозиционирован в пути постоянного поиска и уточнения взаимоотношений с реальностью. Осмысление им этого положения претерпевает ряд характерных состояний. Их континуальная прогрессия и описание переходов из одного состояния в другое, их непрерывное становление становится предметом высказывания проекта «Метанойя» (2015). Основой проекта становятся серии художника периода 2012–2015 гг., — поскольку они наиболее концентрированы и близки ко времени масштабных гуманитарных потрясений в Украине. А также по причине синергии: глубины и выразительности образного художественного ряда — с остротой событийного. Что возбудило особенную актуальность вопроса об их восприятии.

Метаистория. Вся предыстория имеет особенное значение в контексте того, что в «Метанойе» персонаж впервые за все время своей «жизни» начинает осознавать, что с ним происходит. Обнаруживает тот центр, вокруг которого происходит движение, а также то, что это движение направлено к чему-то истинному, подлинному, реальному — и в этом ему удастся обнаружить действительность, в правде отношений с этим.

Прошлая ситуация основана на том, что герой живет в мире собственных проекций, где все для него равномерно познано, и ничто не нарушает его конструкций; где ничего особенно не выделяется. И вдруг в этот устроенный искусственно порядок начинает вторгаться нечто, — то, чего он не знает, сущность того, чего он не понимает. Впервые происходит открытие иного по отношению к себе. Эта инаковость проявляется для героя как нечто ускользающее от его влияния, не поддающееся однозначной интерпретации, — нечто, перед чем все его наработанные схемы теряют свой смысл и свою конструктивную стройность. Это иное воспринимается больше не бессознательно или интуитивно. Герой отдает себе отчет в том, что нечто, не сводимое к его собственному опыту — существует. И это абсолютное бытие в итоге настигает его как абсолютное событие.

Вторгающееся является чем-то действительно подлинным. Это ощущается как настоящее, но герой до конца не знает, что это. В тени этой, завораживающей подлинностью, неопределенности становится очевидно, что построенные конструкции ни на чем не держатся; здесь обнажается их искусственность. По закону инерции он еще продолжает конструировать то, что рухнет, но рана события перечеркивает конструкцию.

Герой сталкивается с необходимостью диалога с тем, что его касается и ранит, с неизбежностью встречи лицом к лицу. Этого диалога он, возможно, не искал, но теперь не может от него уйти. Пережив вторжение реальности иного, герой не может отстраниться от ее бытия; будучи раненым, он получает абсолютный опыт ее присутствия. И этот опыт нельзя проигнорировать. Теперь он может усомниться во всем, что его окружает — возможно, многое из этого иллюзия, но то, что его ранило — подлинно существует, причем обладает каким-то полным, не известным герою ранее, бытием. После этого все предыдущее теряет заряд значимости. Прошлый мир утрачивает свою подлинность, становится иллюзорным. Если раньше герой боялся потерять про-

екции и конструкции, как атрибут собственного мира, то сейчас они ничего не стоят по сравнению с раной. Она свидетельствует об абсолютности наступающей реальности.

Резюме по этой линии «метанарратива» в проекте «Метанойя» таково, что персонаж претерпевает ряд состояний, которые позволяют ему обнаружить себя в отношении с активной реальностью (*иного*): *угасание инерций прошлых порядков (1), интуитивное касание с иным как неизвестным (2), открытие активного присутствия иного (3), обнаружение своих ограничений (4), готовность к жертве как неизбежному касанию (5), принятие реальности иного как раны (6), начало осмысления на новых основаниях (7)*. «От проекции собственного — до реальности иного» герой проходит за эти семь ступеней, «шагов», уровней промежуточного состояния. И предлагает нам шкалу пути преодоления границ, соответствующих нашему положению относительно этой реальности.

Предложенного типа исследование ведет в иную плоскость, где не мы движемся навстречу некой актуальности, но сама эта актуальность движется в нашем направлении, и довольно-таки активно. И нам некуда уклониться от этого. Посредником является художник, запускающий в новое пространство агента присутствия (героя, персонажа), который из своих прошлых состояний попадает в новое для него положение — на примере приведенного фрагмента это положение жертвенности, уязвимости, открытого действия, получения раны, опыта проживания столкновения с реальностью, которую не он создает, но которая надвигается на него. И это новое положение открывает его актуальность, его самоидентификацию. А вместе с ним и нашу самоидентификацию — как зрителя/интерпретатора, как субъекта культуры, как человека. И главное, дает возможность продолжения — «высказываний» художника, движения героя, осмысления зрителя/интерпретатора и нашей последующей работы как исследователей.

Более подробное описание всех «шагов» метанарратива в рамках проекта «Метанойя» и в целом за полный период предполагается осветить в дальнейших исследованиях, структура и содержание которых просматриваются в контексте настоящего исследования.

Выводы

1. Охарактеризованный в статье метод «метанарратива» в искусстве дает возможность художнику более определенно осмысливать свои работы, что углубляет его творческий процесс. А также обеспечивает большую чистоту и охват передачи творческих интенций в виде комплексных системных формулировок. Контекст художника фиксируется не только визуально, но и текстуально, что препятствует ризоматичному распространению полисемантического дискурса современной западной культуры и обеспечивает некое постоянство доступа для восприятия зрителем/интерпретатором. Существенно, что здесь речь не идет о проекте новой культуры: это незапланированное опережение, не новая конструкция. «Метанарратив» не моделирует новизну: он ее регистрирует и сохраняет чувствительность дальнейшего узнавания нового, наступление которого может формировать другую культуру.

2. Предлагаемый подход задает определенное измерение интерпретаций, ограничивает семантический диапазон. За счет того, что исследователь синхронизирован с контекстом события, следует за художником, он производит акт именования художественного «сообщения», облакает это в слова. Не только переживает, но и озвучивает то, что с ним происходит, задает нужный набор слов, создает язык, на котором другие могут об этом поговорить. И, таким образом, придает масштаб объекту исследования, показывает более отчетливо его значения.

3. Предложен новый тип осмысления творчества Виктора Сидоренко. Возникают предпосылки для создания концептуального поля, где возможен диалог о новых смыслах, извлекаемых мето-

дом анализа «сообщений» художника, и развитие соответствующих культурно-гуманитарных коннотаций. Тем самым, позволяет вступить художнику в более полноценный диалог с обществом.

4. Дискурс, который развивается вследствие применения «метанарратива», формирует концепции решения проблемного контекста эпохи, формулирует проблему ситуации культуры XX–XXI столетий и человека между двух эпох. Проблематизирует положение постмодернистской парадигмы, которая исчерпала себя. Обновляет понимание дихотомии между двумя культурами, формирующей только два способа взаимоотношений с реальностью: модернистская культура конструировала смыслы, постмодернистская — деконструировала их, при этом, преодолевая модернизм, гротескно по-

вторяла его формы. В статье отображаются возможности увидеть другой способ (взаимоотношений с реальностью), показывается, что дискурс В. Сидоренко относится к ряду тех явлений, которые демонстрируют выход из этой дихотомии — в новое пространство (культурной коммуникации).

5. В статье возобновляется и переосмысливается значимость автораи героя как субъектов культуры. Предлагается рассматривать *персонажа* как новый тип героя, не сводимого к прошлым и существующим парадигмам — классической, постмодернистской, модернистской, авангардной. А *художника* — как того, кто переходит черты этих парадигм, прежде всего — постмодернистской; как того, кто вырывается за пределы паттернов культуры.

1. Бадью А. Манифест философии [Текст] / А. Бадью // Манифест философии : пер. с фр. — СПб.: Machina, 2003. — С. 9–72.
2. Гумбрехт Х. У. Производство присутствия: Чего не может передать значение [Текст] / Х. У. Гумбрехт ; пер. с нем. — М. : Новое литературное обозрение, 2006. — 183 с.
3. Витгенштейн Л. Философские исследования [Текст] / Людвиг Витгенштейн; пер. с нем. — М.: АСТ, Астрель, 2011. — 142 с.
4. Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального [Текст] / Славој Жижек ; пер. с англ. — М. : Фонд «Прагматика культуры», 2002. — 160 с.
5. Лиотар Ж. Ф. Состояние постмодерна [Текст] / Жан Франсуа Лиотар ; пер. с фр. — СПб. : Алетейя, 2013. — 160 с.
6. Мануссакис Д. П. Бог после метафизики. Богословская эстетика [Текст] / Д. П. Мануссакис. — К. : Дух і літера. — 2014. — 416 с.
7. Смит Д. Церковь и постмодернизм; Как найти место в церкви Лиотару, Фуко, Деррида? [Текст] / Д. Смит. — Черкасы : Коллоквиум, 2012. — 214 с.
8. Применение понятия «метод» в данном исследовании: позиционируется больше как предложение, чем как утверждение; применяется в его изначальном (этимологическом) значении «путь» (познания); целесообразно в контексте исследования, его задач и целей; предлагается к рассмотрению на предмет применения в других типологически сходных контекстах (разные периоды творчества автора, произведения других авторов — одного или группы и др.); предполагает перспективу доказать предыдущее утверждение, т.е. утвердится в самом понятии, на основе приведенных в данной статье предпосылок.

Горшков Олексій. Віктор Сидоренко — координати присутності у не проявленому

Анотація. Метод метанарративу. В статті окреслюється можливість використання поняття «метанарратив» в новому його значенні, і його застосування у якості методу дослідження художніх творів мистецтва в контексті творчості Віктора Сидоренка та певних явищ у сучасній культурі в цілому; проведена диференціація використання значень, використання поняття. Проблематизація важливості пошуку нового методу вибудовується на основі необхідності актуалізації в сучасному мистецтві понять: час, людина, герой, автор, шлях; перешкодження їх розпаду внаслідок постмодерністської деконструкції. Досліджується положення та роль художника в контексті повернення в дискурс сучасного мистецтва людини як суб'єкта. А також те, як завдяки герою художніх творів можна пропонувати середовищу глядачів нові сенси, які вже існують в реальності, але не артикульовані в культурі через інерції ритуалів і патернів культури, і те, яке значення мають події реальності в даному процесі. Йдеться про новий погляд на стосунки між автором і героєм, героєм і глядачем через подію — як на такі, що не є наслідком витвору, а безпосередньо складають повноту «висловлення» творів художника. Розглядається перспектива діалогу між художником і культурним середовищем глядача/інтерпретатора — після того, як пролунало «висловлення» і з'явилась нова роль — дослідника у здійсненні цього діалогу.

Ключові слова: суб'єкт в культурі, людина, герой, реальність, метафізична реальність, метанарратив, ситуація постмодерну, новий дискурс, метадискурс, Віктор Сидоренко, метаноія, інше, виробництво присутності, виробництво значень, подія.

Горшков Алексей. Виктор Сидоренко — координаты присутствия в непроявленном

Аннотация. Метод метанарративу. В статье описывается возможность использования понятия «метанарратив» в новом его значении и применение его в качестве метода исследования в искусстве в контексте творчества Виктора Сидоренко, а также некоторых явлений современной культуры в целом; проведена дифференциация значений использования понятия. Проблематизация значимости поиска нового метода строится на основе необходимости актуализации в современном искусстве понятий: человека, героя, автора, пути, времени; препятствия их распаду вследствие постмодернистской деконструкции. Исследуется положение и роль художника в контексте возвращения в дискурс современного искусства человека как субъекта. И то, как с помощью героя художественных произведений можно доносить в пространство зрителя новые смыслы, которые уже находятся в реальности, но не артикулированы в культуре по причине инерции ритуалов и паттернов культуры, и какова роль события реальности в этом процессе. Говорится о новом взгляде на взаимоотношения автора и героя, героя и зрителя через событие — как на те, которые не являются следствием произведения, а непосредственно формируют полноту «высказывания» произведения художника. А также о перспективе диалога между художником и культурной средой зрителя/интерпретатора после того, как «высказывание» было заявлено, и о новой роли исследователя в осуществлении этого диалога.

Ключевые слова: субъект в культуре, человек, герой, реальность, метафизическая реальность, метанарратив, ситуация постмодерна, новый дискурс, метадискурс, Виктор Сидоренко, метаноия, иное, производство присутствия, производство значений, событие.

Gorshkov Olexsii. Victor Sydorenko: Coordinates Presence in the Unmanifested. The Method of metanarrative

Gorshkov Olexsii. Victor Sydorenko: Coordinates Presence in the Unmanifested. The Method of metanarrative. **Summary.** The article describes the use of the concept of «metanarrative» in its new meaning and use it as a method of research in the arts, in the context of art Viktor Sidorenko, and certain phenomena of contemporary culture as a whole; The differentiation of values using the concept. Problematization the importance of finding a new method is based on the need to update concepts in contemporary art: a man, the hero, the author's way of time; prevents them from decay due to postmodern deconstruction. We study the status and role of the artist in the context of the return to the discourse of contemporary art as a human subject. And how to use the works of art can be a hero in the space of the viewer to communicate new meanings that are already in reality, but not articulated in the culture due to the inertia of rituals and patterns of culture, and the role of the reality of events in the process. Speaking about the new look at the relationship between the author and the hero, the hero and the audience through the event — both those that are not the result of the work, and directly shape the fullness of «saying» the work of the artist. As well as the prospect of a dialogue between the artist and cultural environment viewer / interpreter after «statement» was announced, and the new role of the researcher in the implementation of the dialogue.

Keywords: The subject in the culture, people, character, reality, metaphysical reality, metanarrative, the situation of postmodernism, a new discourse, metadiskurs Viktor Sidorenko, metanoia, other than the presence of production, production values, event.